

СОЧИНЕНИЯ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА

Ч. I. Стихотворения. М. 1829 г., в
т. С. Селивановского, in 8, VI,
II и 129 стр.

Люби питомца вдохновенья
И гордый ум пред ним склоняй;
Но в чистой жажде наслажденья
Не каждой арфе слух вверяй:
Немного истинных пророков,
С печатью тайны на челе,
С дарами выпренных уроков,
С глаголом неба на земле...¹

Таковы были последние стихи (стр. 10), которые слышали мы от юноши, ознаменованного «глаголом неба на земле»! Горестный долг друзей покойного Д. В. Веневитинова исполнен: они собрали и издают немногие отрывки и полные пьесы, в стихах и прозе, найденные после смерти сего юного поэта: 1-я часть, «Стихотворения», вышла; 2-я, «Проза», печатается².

Веневитинов не успел показать вполне дарований своих. Кратко было пребывание его здесь на земле. Родившийся в 1805 году, он скончался 15 марта 1827 года, на 22 году жизни. Знавшие сего юношу, помнят его благородное, оживленное умом лицо, его стройный, исполненный приятности вид и любезное обхождение. Но кто знал короче Веневитинова, тот любил в нем не просто любезного светского человека, но человека с сильною душою, отлично образованного, способного понимать все великое и прекрасное.

Мы сказали, что Веневитинов не успел вполне показать своих дарований. Но и по тому немногому, что теперь видит публика, можно сказать, что сочинения его прекрасны, как надежда.

Вышедшая книжка «Стихотворений» разделена на три отделения. В первом помещены сочинения и переводы Веневитинова с 1821 по 1826 год. Здесь еще лепетанье первых впечатлений: отрывок из «Георгик», из Оссиана, отрывки из поэмы, из пролога «Смерть Байрона»³. Второе отделение состоит из стихотворений, писанных в 1826 и 1827 годах. Здесь порывы души ясны, обзор обширный, нетерпеливое стремление *творить* трепещет, кажется, в каждой струне лиры поэта. Эта грусть, с какою глядит юноша на жизнь и свет, и хочет обольстить себя мечтами Поэзии, говоря:

**О жизнь, коварная Сирена,
Как сильно ты к себе влечешь!**

23

**Ты из цветов блестящих вьешь
Оковы гибельного плена...
Но не отымешь ты, поверь,
Любви, надежды, вдохновений!
Нет! их спасет мой добрый гений,
И не мои они теперь:
Я посвящаю их отныне
Навек поэзии святой
И с страшной клятвой и мольбой**

Кладу на жертвенник богине!⁴

**Эта горделивая зависть таланта, с какою смотрит он
на великие создания и говорит:**

**Блажен, кому судьба вложила
В уста высокий дар речей...
Немногие сей дивный дар
В удел счастливый получают,
И редко, редко сердца жар
Уста послушно выражают.**

**Но если в душу вложена
Хоть искра страсти благородной,
Поверь, не даром в ней она,
Не теплится она бесплодно;
Не с тем судьба ее зажгла,
Чтоб смерти хладная зола
Ее навеки потушила.
Нет! что в душевной глубине,
Того не унесет могила:
Оно останется во мне, —**

**все показывает нам, чем будет со временем юноша; мы
готовы сказать ему:**

**...Когда–нибудь
Созреет плод сей муки тайной,
И слово сильное, случайно,
Из груди вырвется твоей;
Уронишь ты его не даром:
Оно чужую грудь зажжет,**

**В нее как искра упадет,
И в ней пробудится пожаром⁵.**

И скорбное чувство рождается в душе, что все сии пленительные звуки еще не замерли на пламенных страницах, а поэта уже не было! С каким жаром порыва к труду Веневитинов встретил 1827 год и говорил протекшему году:

**Ты не умчался без возврата:
Я за тобою полечу,
И наступающему брату
Весь тяжкий долг свой заплачу⁶.**

24

Надобно ли после всех сих выписок сказывать читателям о достоинстве поэзии Веневитинова? Представляя поэта, разговаривающего с другом своим, он лучше нас высказывает сам себя:

**Мне сладко верить, что со мною
Не все, не все погибнет вдруг
И что уста мои вещали:
Веселья мимолетный звук,
Напев задумчивой печали
Еще напомнит обо мне,
И сильный стих не раз встревожит
Ум пылкий юноши во сне,
И старец, со слезой быть может,
Труды нелживые прочтет;
Он в них души печать найдет**

**И молвит слово сострадания:
«Как я люблю его созданья!
Он дышит жаром красоты,
В нем ум и сердце согласились,
И мысли полные носились
На легких крыльях мечты.
Как знал он жизнь, как мало жил!»⁷**

Кто не повторит сих слов, читая стихи Веневитинова:

Как знал он жизнь, как мало жил!

Они вырезаны на гробнице его, в Симоновом монастыре.

Все второе отделение показывает необыкновенную зрелость, какую быстро начинали приобретать дарования поэта в 1826 и 1827 году. С горестным наслаждением читаем о надеждах его увидеть Италию, где так радостно восклицает он:

**Под яхонтом сверкающих небес
Младой души по воле разыграюсь⁸.**

С трепетом видим таинственное предвещение души в пьесах «Завещание», «К моему перстню». С унынием читаем пьесы «Поэт», «Новгород», «Моя молитва», «Послание к Р-ну», «Три розы», «Крылья жизни», «К моей богине».

Он знал душу человека, знал ее этот поэт, выразивший нам всю силу скорби при рановременной гибели прекрасного:

**Слагая жизнь, старик, с рамен усталых,
Ее как долг могиле отдает;**

25

**К страдальцу смерть на прах надежд
увялых,**

**Как званый друг, желанная идет...
Но если вдруг, нежданная, вбегает
Беда в семью играющих надежд,
Но если жизнь изменою слетает
С веселых, ей лишь миг знакомых, вежд
И счастье младое умирает,
Еще не сняв и праздничных одежд:
Тогда наш дух объемлет трепетанье
И силой в грудь врывается роптанье⁹.**

Неисповедимы пути судеб! Веневитинову, казалось, все дала природа; жизнь обещала ему радости, счастье, и — могила была уделом его, уносившего в гроб надежды отечества, радость родной семьи и всех знавших его. Пушкин и Мицкевич провожали гроб Веневитинова и плакали о нем, как о друге. Природа оживала тогда новою весною, день был прекрасный весенний, и — никогда не забуду этого дня...

Третье отделение стихотворений Веневитинова включает в себе перевод Гетева сочинения «Земная участь» и «Апофеоз художника» и отрывки из «Фауста». Все сии переводы превосходны. Гете и Шекспир были любимцы поэта, и могли ли не быть ими.

Р. С. Совсем не хотел писать библиографического или критического разбора сочинений Веневитинова: я читал их не как критик, но как человек, уважавший, любивший Веневитинова, любивший в нем и человека, и истинного поэта. С воспоминанием о нем мне не хотелось бы смешивать никакого постороннего чувства; но чувство негодования невольно вырывается здесь. В 5-й книжке «Галатеи», не знаю, какой-то аноним, разбранивши того и другого, упоминает о Веневитинове и говорит: «Теперь начинают у нас отдавать справедливость сему молодому литератору, так рано похищенному смертью у наук. А как отзывался о нем г-н Полевой в 1325 году? *...Пусть карает его литературная совесть!*»...

Если бы я и в самом деле отзывался о каких-нибудь литературных трудах Веневитинова невыгодно, доказывает ли это, что я питал неуважение, злость к Веневитинову? Когда бы даже и так, есть ли у г-на Анонима какое-нибудь чувство приличия, что он вспоминает о литературных наших распрях теперь, на гробе достойного, незабвенного юноши? Разве память поэта будет драгоценнее,

26

когда Полевой принесен будет в жертву на могиле его и обличится в бессовестности? Пусть же читатели судят о совести самого г. Критика: объявляю, что *никогда и никаких отзывов о литературных трудах Веневитинова, кроме доказывающих уважение мое к нему, не было в «Телеграфе»*¹⁰. Чему прикажете теперь карать г-на Критика?

27